

Николай Романов

Летела варежка над Ольховкой.

Славился в Ольховке по плотницкому делу Семён Головкин. Мог он своими руками сотворить избу от подбора до петушка на коньке. В родном селе и в окрестных таких его творений стоит немало. Семён, как говорится, всегда был востребован. Но вот неожиданно появилась на горизонте перестройка, за её первоначально лихими волнами последовали тишина и разруха. На полях вместо пшенички восцарствовал бурьян. Мужики ударились в пьянство, подпирая кольями падающие ворота. Ни о каких новостройках и речи не могло быть. Уже в годах, но не потерявший мастерство и силу, загрустил наш Семён. Однажды говорит он своему другу Даниле Уздечкину: «Айда, годок, в Садовку, авось подрядимся кому-нибудь домик поставить, а то ведь кишка кишке бьёт по башке». «Так какой я тебе плотник, я пенёк с пяти разов не могу расколоть». «А ты мне будешь помогать, тут особого умения не надо, лишь бы были старанье да прилежность». «Ну, что ж, можно и попробовать», – согласился Данила.

Наточил и поправил Сеня весь плотницкий инструмент, уложив его в холщёвую сумку. Собрали жёны торбочки мужикам, и отправились они в соседнюю деревню Садовку. Обошли все порядки, нет для них никакой работы. Подались наши мастера дальше. Прошли с десяток деревень, в другую губернию аж забрели, а дела им не находилось. А торбочки у мужиков уже опустели, ну, хоть лебеду собирай, чтоб хватило силёнок дотянуть назад, до Ольховки. В одной деревне с ними разговорился мужик: «Голландка у меня совсем развалилась, задымила так, что не продохнуть. Я её глиной промажу, а толку никакого, стала хуже паровоза. Давайте, ребята, закатывайте рукава, за труды заплачу, как положено». Данила стоит, молчит, а Сеня возликовал и заверил хозяина: «Ну, это нам не впервой, а тягу наладим такую, что варежку с порога утащит!» Порядились. Когда хозяин с женой ушли по своим делам, Данила говорит Семёну: «А ты печки-то клал когда-нибудь?» «Ни разу», – спокойно ответил Сеня. – А что нам на чужой стороне с голоду что ли подыхать?». «Так ведь опозоримся». «Ничего, главное не торопиться, а мозгами кумекать. Глядишь, на хозяйских харчах проживём недельку, а потом домой будем продвигаться от чапка к чапку, найдётся на что выпить и закусить».

Приступили к слому старой голландки. Как смыслённый от природы, Сеня зарисовывал все внутренности печки. Правда, было непонятно, как же были устроены обороты, дающие тягу? Они все выгорели и рухнули, оттого и печка дымила несносно. Сломал голландку до основания, приступили мастера к очистке кирпича. К вечеру, как черти, извозились в саже, но всё убрали и замели. За ужином хозяин новоявленным печникам и себе, естественно, плеснул самогоночки. Сеня раздухарился: «Эх, Иван Петрович,

бывало, сидишь на коньке, крепишь петушка, а вокруг такая красота, душа ликует!». «Это какой конёк, какой петушок?» – спросил, как показалось Сене, с некоторой тревогой хозяин. Сеня резко затормозил, сообразив, что занесло его совсем не на ту планету.

Работали размеренно, Сеня больше молчал после осечки за столом. Ряд за рядом голландка стала расти вверх. Сеня, кирпичную кладку, как мастеровой плотник, выводил не просто аккуратно, но и красиво. Хозяину это очень понравилось. Выдался ненастный день. Дождь лил, как из ведра. Но под крышей дело у Сени шло споро. Данила месил глину, подавал кирпичи. «Пора обедать», – сказала хозяйка. «Сегодня у меня день рождения, надо по этому случаю приложиться», – сказал хозяин. И полилась самогонка градусов под шестьдесят. Сеня не духарился, но опрокинул три рюмахи не глядя. Пообедали, продолжили работу. Сеня выкладывал обороты и на повороте, где не должно быть кирпича, мастер его вмазал, как впаял. Так ход для дыма был закрыт наглухо.

Через два дня голландка была готова. Оставалось затереть стенки. Данила ещё до затирки предлагал затопить печку. «Нет, к приходу хозяев надо обязательно затереть, вот тогда и запалим факел!» – потирая руки, воспрепятствовал Сеня. Но так как Данила с самого начала шкурой чувствовал недоброе, то настоял на своём. Под навесом набрали сухих стружек, которые в печке вспыхнули, как порох. Огонь длинными языками полыхнул из голландки. Сеня сказал умиротворенно: «По первости всегда так бывает». Стружки продолжали гореть, и весь дым валил в избу. «Надо смываться!» – завопил Данила. «Пожалуй», – согласился плотник Семён Головкин, – а то еще Иван Петрович соберёт родню, бить будут смертным боем». Покидав в холщёвую сумку инструмент, Данила и Семён дали такого дёру, что деревня скоро пропала из виду. В Ольховку мастера заявили уставшими насмерть, голодные, как волки. В дороге договорились, что ничего про злополучные печные дела даже женам говорить не будут. Засмеют.

...Даниле часто снился сон про варежку. Но с порога она, как обещал Сеня, летела не в печку, а высоко над Ольховкой. И просыпался Данила не в испуге, а в великолепном восторге, и орал так, что на улице было слышно: «Глядите, глядите, варежка-то летит!». Жена его всякий раз спрашивала: «Какая варежка?». «Какая-какая... обныкновенная», – говорил он, поворачиваясь на другой бок...

Зарубинки на тополе

С тех пор, как второй сын Павел ушёл на сторону да так и не вернулся в Боровчиху, грустно стало жить на свете Егору Игнатову. Поначалу было ещё сносно. Дни и ночи пропадал он на конном дворе. Чинил сбрую, телеги, сани. Потом и этого дела лишился. Перевелись кони в Боровчихе. Пристроили, было, его сторожем в тракторную бригаду, но вскоре старик от этого поста

отказался. После лошадей никак не мог привыкнуть к железкам. Бродил он как-то вокруг своей избы и надумал: а что если посадить под окошками дерево? Вырастет, шуметь будет на ветру, осенью листья полетят, зимний холод будет чувствовать, тепла просить. Всё, как у людей. Глядишь, вроде бы и не один живёшь.

Бригадир пошёл навстречу Егору, дал столбиков, штакетнику, гвоздей. Через два дня получился маленький, добротный палисадник. А потом сходил Егор в теньковский лес, осторожно, сохранив побольше корней, выкопал тополёк и посадил его под окнами. Одно лето деревцо похворало, а на другое буйно пошло в рост, словно его тянули за макушку. Соседи над Егором незлобиво подшучивали: «Платоныч хозяйством обзавёлся».

В Боровчихе, надо сказать, стариков любят, хотя и подтрунивают над их причудами. Происходит это, главным образом, в магазине. Особые сцены бывают, когда сюда заглянет Витька Рыжий, очень большой балагур и насмешник. И непременно он подвернётся, когда придёт в магазин Егор Игнатов. Мужики без очереди лезут за вином, табаком, берут, что покрепче да подешевле, а Егор обязательно попросит у продавца «Беломору». Витька Рыжий тут как тут: «Что, дядя Егор, метр курим – два бросаем?» Этого старик только и ждёт. И приосанится, и галифе поддёрнет.

– А что мне, парень мой светлый, у меня ж не семеро по лавкам. Вот вчера Пашка красненькую прислал. Пишет, ты, папаня, не кури всякую дрянь, покуривай, знай, Беломор. Дай-ка, Ньюра, пачечку.

С этими словами дед вынимал из кармана потёртых галифе хрустящую десятирублевку. Продавец, Анна Николаевна, женщина красивая, торгует, как в хитрую любовь играет, незаметно подмигнёт другим, а Егору скажет: «Платоныч, мелочи нет на сдачу». «Вот беда, – сокрушенно говорит Егор, – тогда давай на рупь». Уложив все покупки в кирзовую сумку, Егор закуривал и уходил довольный. Но стоило ему переступить порог магазина, как он начинал всячески бранить себя и поругивать: «Одним махом просадил десятку, старый хрен, пройдут золотые деньки, и придётся тебе, Егорушка, гонять соседского Вовку за хлебом да махоркой». А отсюда вытекало и самое тревожное для Егора. Ему становилось неясно, когда же он сумеет отметить свой день рождения? Без копейки его на широкую ногу не справишь.

Это была ещё одна странность Егора Игнатова. А всё началось с того же тополя. Однажды на нём зарубил он все свои прожитые годы. И каждое лето в сенокосную пору делал на дереве новую отметину. Тополь рос, метины эти зарубцовывались, превращаясь в шершавые бугорки. «Вот умру я, – говорил Егор с тополем, – а ты ещё долго будешь жить на белом свете, и люди будут знать, сколько лет прожил на земле Егор Игнатов. Может, кто-то и внукам расскажет про эти зарубки. Да, нет, поди, ничего они не узнают, если я их сам не видел в лицо. А как бы я их погладил по вихоркам, вот так, как тебя».

И запрокинув голову, дед долго, до ряби, до слёз в глазах всё глядел и глядел снизу вверх на ласковую зелень тополя.

Пришёл Егор, как всегда, после пенсии в магазин за папиросами и провизией, и тот же Витька Рыжий, обращаясь к покупателям, сказал:

– Слыхали, Матрёна Вострецова умерла?

Витька кощунствовал сверх всякой меры. Матрёна только что была в магазине. Но он никому не дал и рта открыть.

– Сколько было Матрёне лет? Шестьдесят, не больше. И вот отдала богу душу. Судьба, никуда не денешься. А вот Егору Платонычу, наверно, за сто, а он ещё, как козлик, бегают. Фортуна!

– Э-э, парень мой светлый, мне до ста ещё жить да жить.

– А сколько тебе лет, Платоныч?

– Сколько? – Дед сощурился, что-то соображая. – А вот на другой неделе я буду отмечать день своего ангела. И как прожил я этот год благополучно, то сделаю ещё одну зарубину на моём топольке. Если ты, парень мой светлый, шибкий в рехметике, то, поди, да посчитай мои годки на тополе.

Егорово сообщение было воспринято как новое чудачество. Но разговор этот не прошёл бесследно. Витька Рыжий, когда Егора не было дома, не поленился и посчитал бугорки-зарубины на дереве деда. Получилось семьдесят семь. В том же магазине он объявил, сколько Егору Игнатову лет.

– Так, когда же твой день рождения, Платоныч? Сообщи, приду тебя поздравить и этого самого принесу, – и Витька щёлкнул в яблочко.

– Сообщу, Виктор, непременно сообщу! – ответил Егор, и необъяснимая радость засветилась на его лице.

Егор Платоныч прикинул, что с днём рождения в таком случае медлить нельзя. Денег от пенсии осталась самая малость, а Витька может и передумать, значит, надо ковать железо, пока горячо. Тут ещё, кстати, соседка Маняша Круглова попалась. И ей он как бы обмолвился про свой день. «Коль такое дело – пирог испеку», – сказала она добродушно.

И праздник состоялся. Вынес Егор под тополь щербатый стол, поставил старую скамью, разложил все кушанья. Витька откупорил бутылку, понемногу выпили. Дед торжественно сделал семьдесят восьмую зарубину на тополе. У палисадника женщины собрались, ребяташки. Говорил Егор только с Витькой, как с человеком, оказавшим ему самое сердечное уважение.

– Вот ведь, парень мой светлый, как всё в жизни получается. Вот погляди на него, на тополь-то мой. Изранил я его этими тятками крепко. Погибнуть могло дерево, ан, нет, живёт. Почему? Потому что уход за ним есть. Так и с человеком. Давно бы я лежал в сырой земле, если бы сыновья обо мне не

пеклись. Вот ко дню ангела каждый по красненькой прислал, ну, и поздравления, как полагается. Пишут, приехать не могут, дела. Да я и не в обиде, лишь бы не забывали отца. Ты знаешь моих ребят?

– Как же, – ответил Витька, – с Колькой-то твоим мы вместе без штанов бегали.

– Как это без штанов, – вдруг обиделся захмелевший дед. – Ты это брось, Виктор. Хотя мои парни без маманьки росли, но чтобы без штанов, такого не было отродясь.

– Да я не то хотел сказать, друзья детства мы с Николаем, – оправдывался Витька.

– То-то, парень мой светлый, давай-ка пропустим ещё по одной, что-то в грустную сторону повело.

Выпили. Егор продолжил разговор.

– Недавно Николай-то был у меня в гостях. Говорит, папаня, мы тебя в гибели матери не виним.

Слезинка выкатилась из глаза Егора, перекатилась через несколько морщинок и застыла.

– А чего меня винить, вся Боровчиха знает, что я не виноват. Но дело не в этом... Всё же я виноват.

Тут он встал и, поднявши руки, пошёл к тополию.

– Я ведь вот так, Витя, навильник-то сена поднял, кричу, лови, Любушка. И поймал её на вилы. Лошадь, окаянная, дёрнула, не устояла на возу моя Любушка.

Не приглашая Витьку выпить, Егор выпил один. Потом, пошатываясь, подошёл к тополию. Прислонился к дереву и медленно сполз на корточки. Праздник на этом кончился. Витька ушёл незаметно, женщины ещё постояли у изгороди. Кто-то спросил, почему дед живёт один, не у сыновей? И кто-то ответил, что жил он у них в городе одно время, да снохи взъерепенились, мол, от старика овчиной, кислой капустой пахнет. Обиделся Егор, вернулся домой, в Боровчиху.

Каждый месяц, получив пенсию, Платоныч неизменно появлялся в магазине. И неизменно выкладывал на прилавок десять рублей, которые он, якобы, получил от Кольки. Или же от Пашки. И никто ни разу не укорил его за эту фантазию.

...Наскоро позавтракав, Василий Круглов торопился к своему трактору. «Ты чего это всё утро у печи возишься?», – спросил он жену.

– Пирог пеку, Вася. Нынче у Егора Платоныча день рождения, восемьдесят годков стукнуло. Вчера встретил меня, радостный, несёт

четвертинку и папирос. Говорит, Маняша, у меня завтра день ангела. Надо угостить старика пирожком.

– Ну, угости, угости.

Когда Маняша подошла к избе Егора, солнце прямо-таки гудело ярким светом в густой листве высокого тополя.

– Вставай, именинник, – сказала она певуче, увидев деда, лежавшего лицом к стене. Но в тот же миг на неё так и пахнуло дыханием смерти, и она, не помня себя, выскочила на улицу. Навстречу ей шла другая соседка Егора, Наталья Кузнецова, и тоже несла какой-то свёрток.

– Натаха, горе-то какое, умер наш Платоныч, скончался.

– Вскоре возле избы Егора Игнатов собралась все те, кто не ушёл на сенокос. «Надо сходить на почту, дать телеграмму Николаю с Павлом», – сказала Маняша. Но прежде, постояв и подумав о чём-то, она сходила в сенцы и вернулась с маленьким ржавым топориком в руках.

– А ведь год-то человек на свете прожил. Надо отметить, как это делал сам Егор Платоныч.

И Маняша, подойдя к тополи, как-то не с руки, неумело, тяпнула по его еще молодой коре. Тополь легонько вздрогнул.

Божья ступня

Десятки раз мы видели с вами на телеэкране документальные кадры, как, начиненный от самых маковок до фундаментальной подошвы динамитом, оседает, рушится в облаке пыли Храм Христа Спасителя. Всякий раз, когда передо мной возникает это ужасное зрелище, я теряю дар речи. И, наверное, никогда не подыщу слов, которыми можно было бы как-то обсказать приходящие чувства. Нет таких слов. Мне только иногда кажется, что под руинами храма оказалась тогда вся православная Россия. Ведь от того глобального взрыва в центре Москвы по всем глубинным просторам Руси пошли такие умопомрачительные волны, под которыми несметно гибли большие и малые храмы, а вместе с ними и человеческие души. Тысячи и тысячи загубленных жизней. Ни за что, ни про что... И что же в итоге? Крах, тьма, конец всему?.. Да нет же! Там и тут, в сторонке от гонителей, архитекторов светлого коммунистического завтра, раздышивались угольки народного духа. Как ни злобствовали воинствующие атеисты, оказалось, что Дух, Веру побороть невозможно. Правда, сейчас все те, кто косо смотрят на Россию, заходят с другого конца. Не хотелось бы ждать, что из этого получится... Но сегодня слово не об этом. Мы не раз слышали рассказы и повествования пастырей, провидцев, мудрых людей о чудотворной силе икон, о других божественных знамениях. Но согласитесь, частенько оставляли в глубине души уголок сомнения: действительно, сами-то мы этого не видели. Но тут же возникает и серьёзная закавыка: а как быть с историей? Например, она нам говорит, что вот по этим древним перекатам

шёл с войсками Александр Македонский; здесь жил и творил Гомер, а здесь шагал за рыбным обозом Михайло Ломоносов. И мы ведь в этом ни капельки не сомневаемся. Думаю, что все сказано достаточно ясно. Так вот, сейчас я вам поведаю небольшую историю, свидетелем которой я не был, но свято верю, что это было именно так.

...Раннее утро праздника Святой Троицы пришло в большое село Покровское настороженной тишиной. Даже овечки, буренки, собираемые пастухами в стадо, не подавали голоса. Самое же тревожное было в том, что молчали церковные колокола. Ради такого праздника, а Троица была в Покровском престолом, звонарь Петруха Смоляной, бывало, звонил и как будто приплясывал, а тут – словно всё в паутине застряло. Поразительная весть, как молния, пролетела по селу: поповский дом был пуст, батюшка Захарий с матушкой Ефросиньей по сумеркам на двух подводах уехал в ночную темень. За первой вестью промчалась другая, более страшная: советские главари наметили на Троицу порушение церкви. Долго, видать, выбирали день, чтобы уколоть мирян в самое сердце. Старики остались по домам молиться Живоначальной Троице, молодёжь со всех ног метнулась на площадь к церкви, где она стояла на широком открытом месте с позолоченными куполами. Приехавшие из волости начальники разбили перед церковью шатер. И по одному заманивали в него покровских смельчаков. Наливали чарку водки, мало – пей вторую, и на тебе багор, топор, и – за дело.

Марья Воскобойникова, баба уже в годах, тоже собралась на церковную площадь. Муж, Семён Петрович, отговаривал: «Не ходила бы ты, Маша, уж одно то, что глядеть на святотатство – тоже ведь грех на душу брать». Но Марья не послушалась, побежала. Дорога до церкви шла под вязами вдоль пруда. И первой на пути попадалась часовенка. Дверь от неё уже валялась у крыльца, внутри раздавались удары топора, кто-то несообразно матерился. Марья тихонько переступила порог часовни и в то же мгновенье часто-часто закрестилась. В этой часовенке, с незапамятных времен, на загляденье всей округе, стояли три фигуры из кипарисового дерева: Иисус Христос почти в человеческий рост, и рядом с ним, слева и справа, два небольших херувимчика с чудными крылышками за плечами. Пьяные мужики, Марья знала их, со всего маху орудовали топорами. Один из них оглянулся позвериному: «Тётка Марья, уйди, зашибу!» И тут к порогу отлетела ступня от фигуры Христа. Марья быстренько подняла её и завернула в край своей длинной кофты.

В церковь, на крыше которой расправлялись с куполами покровские комсомольцы, пускали всех, кто пожелает. Стены её были совершенно голые. Иконы, всю утварь волостные начальники прибрали сами. Они стояли возле шатра и нетерпеливо поглядывали наверх, ждали, когда в их руках окажутся и кресты.

Церковь переделали в клуб. Об этом клубе стоило бы рассказать особо, но это уж в другой раз. Одно сейчас отмечу: когда под сводами бывшего храма собиралось всё село, непременно что-то происходило. В пятидесятых годах, перед выселением из зоны затопления, ниже по Волге стали строить Куйбышевскую ГЭС, показывали трофейный кинофильм «Гарзан». После кино, в короткую летнюю ночь, заснуло Покровское глубоким сном и, неизвестно по какой причине, сгорел целый курмыш. Ну, а что же с Божьей ступней? Ещё в молодости ослепла свекровь Марьи Воскобойниковой бабушка Дуня. Когда болели дети, все со своими немощными чадами шли к ней. Подставляя своё маленькое светлое личико под свет, идущий от солнышка в окно, бабушка Дуня шёпотом молилась и всё гладила ребёнка по головке. И помогало. Но надо сказать, она и чувствовала, что при запущенной хвори её молитва может быть бессильной. Однажды она сказала родителям больного малыша: «Идите к нашей Марье, есть у неё ступня от Божьей ножки, пустите её в тёпленькую водичку и искупайте вашего дитя в этой воде под «Отче наш», «Отче наш» знаете? Ну, вот и хорошо, идите с Богом».

Многих ребяток спасла в Покровском от разных болестей Божья ступня. Как сказано, в пятидесятых годах началось выселение из зоны затопления. Уезжали тогда в разные места. Говорят, что Воскобойниковы подались в Краснодарский край, где жила их родня. С тех пор след Божьей ступни затерялся для покровцев на больших дорогах России. Но верится, что её благотворная сила и сегодня служит людям.

Моя Ольховка

Талантлив наш народ ольховский! Например, Сенька Бугорок плетёт такие корзины, что подобных нигде не встретишь. Коль не верите, возьмите пособие по плетению корзин на Руси (есть такие книжки) – Сенькиных образцов в них нет. И главное в том, что каждая его корзинка непременно чем-то отличается от другой. Одинаковых он не плетёт. Скажете, таким товаром озолотиться можно? А что? Поезжай в город, на рынок, вставай в ряд с такими же мастерами, да к тебе же очередь выстроится. Нет, Сеня городскую толкучку не любит. Обвешается он своими корзинами, как виноградными гроздьями, и пошёл по окрестным деревням. Вечером возвращается домой навеселе, спросят его, мол, наверное, от деньги-то карманы того, гляди, лопнут, а он только махнёт рукой, и приглашает присесть рядышком. Уж очень любит рассказать о том, что видел да слышал.

Коленька Печуркин жить не может без скворцов. И ладит он для них не просто скворечники, а настоящие дворцы! И на высоких жердях красуются они по всем четырём углам его двора. У одного крыша – шалашиком, у другого – шатром, у третьего – маковкой, а четвёртый вообще как будто двухэтажный. Коленьке говорят, что вот этот слишком большой, вроде ни к чему. Как ни к чему? А вдруг тут будет большая семья? Это вы завели себе одну Алёнку – и довольны. А птица – она старше человека, знает, чем

больше детушек, тем веселее жить на свете. Вдруг мор какой-то, всё равно кто-то выживет. А ведь прав старик, рассуждают ольховцы. Перед лазом на каждом птичьем домике – настоящий балкончик. И все скворечники выкрашены в разные цвета. Ольховцы снова к Коленьке с вопросом – а это зачем? Странные люди. Вон на Анисье платье в горошек, на Нюське – в лопушки. Так и у птиц. Одним понравился розовый цвет, вроде утренней зорьки, другим – голубой. Ребятишки просят Коленьку: «Сделай мне скворечник». А Коленька отвечает: «Нет, Вовка, делать я тебе ничего не буду, приходи, будешь делать сам, под моим приглядом. И вот ког-да своими руками сотворишь домушку для скворцов, всю жизнь помнить и гордиться будешь».

Есть в деревне и другие таланты, но сильнее всего ольховцы, как гармонисты. Трудно понять, объяснить, откуда что берётся. Глядишь, человек ещё под стол пешком ходит, а уже на худой двухрядке (хорошую-то пока не дают) подбирает мелодию – «Во поле берёзонька стояла». Играют даже бабы. Играют целыми семьями. И что самое интересное и странное – никто из Ольховки не пошёл учиться по музыкальной части. Здесь самый мастеровой баянист не знает ни одной ноты. И выходит, что играют для души. Да, да, летним вечерком сидит на своём крылечке подвыпивший Санёк Гагарцов, а ему уже все семьдесят, и так наяривает плясовую, что ноги сами просятся в круг. Особенно в бывалошную пору звенели гармошки на свадьбах. Неутомимые плясуньи своими платочками только и вытирают капельки пота со лба гармониста. Сейчас, правда, пошло не то. Начинают-то вроде с баяна, но потом молодёжь ставит по углам свои горластые ящики, и пошло-поехало. Мужики с бабами рядом сидят, а друг дружку не слышат. Эта современная музыкальная техника такого дрозда даёт, что земля под Ольховкой трясётся. И смотришь, более пожилые кладут в корзиночки, приобретённые у того же Сени Бугорка, выпивку и закуску, и отправляются за речку Ольховку, на берёзовую поляну. Вот там уж напоятся под гармошку всласть. До сих пор помнит вся деревня, как выступали на районных фестивалях и часто брали первые места. Всем песенникам аккомпанировал Федя Полынкин. У него ни разу никто не сфальшивил, не соврал, не сорвал голоса. Бывало как? Выйдет на сцену из соседней Боровчихи писаная красавица, запоёт, как соловей, а потом вдруг осипнет, аж захрипит. Не тем голосом повёл ее гармонист. А у ольховцев – ни одного сбоя. Когда дома в клубе репетируются, и Федя Полынкин, и певунья найдут для её голоса самую подходящую высоту, Федя говорит той же Фросе Пастушкиной, чтобы она запомнила пуговицу, с которой он начинает мелодию. Глянет Фрося на планки, ага, вот эта. И то верно: не может же запомнить Фёдор для всех исполнителей, с какой клавиши начинал проигрывать ту или иную песню. А Фроська с Тоськой помнят. И льётся песня до самой Волги, и забываются все горечи и печали тех трудных пятидесятих лет минувшего столетия.